

Рец. на: Е.П. Емельянов. Творческий путь Н.В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. 312 с., ил.

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),

Viacheslav Feshkin

(Bashkir State University, Ufa, Russia)

Rec ad op.: E.P. Emel'yanov. Tvorcheskiy put' N.V. Ustiugova v kontekste razvitiya sovetskoy istoricheskoy nauki. Moscow; Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870004503-4

Интерес к истории советской исторической науки усиливается с каждым годом. Это связано не только с процессом планомерного исследования 1920—1960-х гг. — относительно малоизученного периода в развитии отечественной историографии, — но и с осмыслением состояния современной исторической науки, генетически связанной со своей предшественницей. Особый интерес вызывают выдающиеся историки, ставшие основателями новых направлений и собственных научных школ. В этом контексте закономерно обращение к фигуре Н.В. Устюгова. Актуальность темы обусловлена как значимостью его вклада в историческую науку, так и отсутствием крупных обобщающих исследований, посвященных его жизни и научному наследию. Появление данной монографии заполняет существенную лакуну, даёт наиболее полную на данный момент биографию видного историка, реконструкция которой позволяет не только выявить общее, но и проследить индивидуальный путь учёного в советской науке. Автор выбрал жанр контекстной биографии, позволивший применить комплекс подходов и методов.

Книга состоит из трёх глав, выделенных в зависимости от периодов творчества Устюгова и изучаемых им

проблем: 1) формирование тематики исследований (1920-е — начало 1940-х гг.); 2) изучение истории народов СССР (1945—1963); 3) изучение истории России Раннего Нового времени (1945—1963). Структура книги логически продумана и соответствует поставленным задачам. Периодизация обоснована и даёт ясное представление об эволюции творческого пути героя исследования.

Историографический обзор позволяет получить общее представление о состоянии изучения советской исторической науки 1920—1960-х гг. Подробно и квалифицированно выполнен разбор историографии научного творчества Устюгова, что позволило сделать вывод о «фрагментарности» имеющейся картины жизни и научного творчества историка, а также сформулировать основные задачи исследования его биографии. Впечатляет источниковая база исследования. Помимо опубликованных трудов активно привлекались материалы Архива Российской академии наук, где хранится личный фонд историка, Государственного архива Томской области, Научного архива Института российской истории РАН и Центрального архива Министерства обороны РФ. Абсолютное большинство документов вводится в научный оборот впервые.

В то же время не вполне удачным представляется предложенное разделение источников на исторические и историографические, поскольку грань между ними искусственна, тем более в рамках избранного жанра. Неслучайно современные исследователи всё чаще ставят под сомнение целесообразность выделения историографических источников в отдельную группу¹. Достаточно было ограничиться видовой классификацией.

Несомненной заслугой Емельянова является выявление множества ранее неизвестных фактов из жизни Устюгова и рассмотрение их на фоне общества первой половины XX в. Большой интерес представляет описание времени обучения. Автору удалось показать университетскую среду того времени и выявить сложную систему личностных и научных влияний на начинающего историка. На основании комплекса фактов сделан обоснованный вывод, что решающими для формирования взглядов историка стали его социальное происхождение и образование.

Устюгов оказался в целом чужд коммунистическим идеалам и тяготел к традициям дореволюционной науки. Это подкрепляется и изучением его теоретико-методологических взглядов: отказ от рассмотрения государства как исключительно орудия классового угнетения, стремление избежать выстраивания выводов на основе заранее готовой схемы классиков марксизма, опора на факты и индуктивный путь в построении концепции и т.д. Автор обоснованно корректирует встречающееся в литературе отнесение Устюгова к «первому марксистскому поколению историков». Он предлагает применять уточняющий термин «первое советское поколение историков» (с. 44). С одной стороны, его представители в обязательном порядке прошли изуче-

ние марксизма (как его понимали в 1920-х гг.), а с другой — их становление пришлось на время относительной свободы, когда до канонической версии марксизма было ещё далеко, а смелые эксперименты (в рамках материалистического мировоззрения) даже приветствовались. Представляется, в данном случае можно говорить о формировании своеобразных субкультур, когда схожие черты, обусловленные общими признаками поколения (социальными и научными), переплетаются с существенными отличиями. Последние, в свою очередь, приводят к появлению конкурирующих между собой научных групп и кланов.

Привлечение архивных материалов позволило Емельянову подробно изучить первые шаги Устюгова в науке. В центре внимания историка казались традиционные для того времени темы, связанные с историей крестьянства, труда и развития производительных сил. Подробно анализируется кандидатская диссертация учёного «Очерки по истории преобладающих видов труда в посадах восточной части Поморья в первой половине XVII в.». Стоит отметить, что при разборе диссертации был привлечён текст, хранящийся в архиве, проведены обстоятельные историографический разбор и источниковедческий анализ. Особым направлением исследований Устюгова стало изучение истории народов СССР. Начало активных занятий этой темой относится к середине 1930-х гг. и связывается с идеологической актуализацией темы. Большое внимание уделяется написанию учёным так и не опубликованных разделов первой версии многотомной «Истории СССР», посвящённых истории башкир. Емельяновым делается обоснованный вывод: влияние идеологии на концептуальное обрамление текстов, посвящённых данной проблеме, было значительным, однако

выбор тем обуславливался не только политическими факторами, но и логикой развития науки. Подтверждение этому в том, что указанные проблемы остались главными в научном творчестве историка и в послевоенное время. В то же время важно наблюдение, что Устюгов избегал многих идеологических клише тех лет. Например, он отказывался характеризовать политику царского правительства как сплошное угнетение, доказывал его заинтересованность в способности башкир платить ясак. Исследователь не спешил объявлять башкирское восстание «народно-освободительным», указывая на его патриархально-феодальный характер. Подробно проанализированы главные дискуссии, вспыхнувшие вокруг истории кочевых народов и их вхождения в состав Российского государства. Подводя итог описанию научной деятельности Устюгова в 1930-х гг., Емельянов указывает, что, хотя формирование тематики его исследований было как закономерным, так и случайным (с. 111), преобладали всё же закономерности.

Отдельный параграф посвящён участию учёного в Великой Отечественной войне. Не обойдён вниманием скандальный эпизод с обвинением в использовании подготовленного им курса по метрологии, которое Устюгов выдвинул против своего коллеги Л.В. Черепнина. Емельянов излагает известные на данный момент точки зрения, но избегает собственных выводов. Очевидно, вопрос остаётся открытым.

Во второй главе, посвящённой изучению Устюговым истории народов СССР, акцент справедливо сделан на исследовании истории Башкирии. Убедительно показано, что историк использовал утверждение идеологемы «дружбы народов» для легитимации своего видения башкирских восстаний. Это наглядно демонстри-

рует всю сложность восприятия часто меняющихся идеологических установок, их размытость и подверженность различным интерпретациям. Учёные нередко использовали очередной «изгиб линии партии» для утверждения своих идей. Привлекая многочисленные архивные документы, в том числе стенограммы научных докладов и их обсуждений, автор проследил формирование Устюговым концепции «свободного вассалитета». Её суть — идея о том, что башкиры рассматривали свою зависимость от русского царя не как подданство, а как вассалитет, который можно разорвать. А «патриархально-феодальные отношения», господствовавшие в башкирском обществе, приводили к тому, что движущей силой восстаний оказывались именно феодалы и их интересы. В среде советских историков эти построения были встречены неоднозначно, преобладали негативные оценки. Сначала они показались слишком резкой, а потом, когда присоединение к русскому государству стали трактовать как «абсолютное благо», — недостаточно резкими. Интересно указание на то, что концепцию воспроизвёл известный французский историк Роже Порталь. Это — очередное подтверждение того, что советская историческая наука не была «вещью в себе», а оставалась встроенной в международную научную коммуникацию.

В монографии детально воссоздан процесс написания «Очерков по истории Башкирии» и проанализированы различные редакции этого труда. Выявленные факты позволяют не только увидеть «внутреннюю кухню» написания обобщающих работ по истории народов СССР, но и демонстрируют, что национальные истории — не следствие диктата союзного центра, а своеобразный компромисс с местными элитами.

Третья глава посвящена вопросам исследования учёным проблем социально-экономического развития России Раннего Нового времени и разработки им вспомогательных исторических дисциплин. Поставлен вопрос о существовании «школы Устюгова». Отталкиваясь от традиционного представления о школе как неформальной институции, построенной на педагогической связи учителя и его учеников и, как следствие, общности теоретико-методологических подходов, автор книги сделал вывод, что такая школа всё же была. К сожалению, при определении её персонального состава не использован известный справочник А.А. Чернобаева², где в статьях, составленных, как правило, самими же историками, отмечены их учителя. Интересно, что ряд историков (например, Р.А. Киреева) указали Устюгова в качестве учителя, но в собственных исследованиях отошли от его тематики. Это даёт возможность поразмыслить над самой проблемой научных школ, особенно соотношения в их рамках общей методологической основы, взаимоотношений учителя и ученика и дальнейшего пути в науке.

Интересно наблюдение о том, что «школа Н.В. Устюгова» продолжала традиции московской исторической школы — её младшего поколения в лице С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и др. Это дополнительное довод в пользу идеи о преемственности между дореволюционной и советской научными тради-

циями. Подробно разобран процесс изучения Устюговым истории русского ремесла и торговли. Как известно, он одним из первых поставил вопрос о зарождении капиталистического уклада уже в XVII в. Здесь историк также следовал за своими предшественниками Бахрушиным и А.Н. Сперанским. Проанализирован вклад учёного в изучение приказов. Именно в этой тематике в наименьшей степени проявилось влияние на него идеологических установок. Свобода от догматики обнаруживается и в исследованиях истории колонизации Южного Зауралья.

Е.П. Емельянов подготовил качественное историографическое исследование. Несомненным достоинством работы является источниковедческий подход к трудам Н.В. Устюгова. При этом автор сумел провести комплексный анализ источников, позволивший получить обоснованные выводы, а исследовательские труды, теории и концепции учёного вписаны в широкий историографический контекст.

Примечания

¹ См., например: *Алеврас Н.Н.* История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Выпуск 2(18). URL: <https://history.jes.su/s207987840000483-0-1>

² Последнее издание: *Чернобаев А.А.* Историки России конца XIX — начала XXI века: Биобиблиографический словарь. Т. 1—3. М., 2016—2017.